

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.38>

Пилатова Валентина Николаевна

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ДИСКУРСА

Статья обращена к истокам появления термина "дискурс". Основное внимание уделено точкам зрения тех учёных, которые дифференцируют понятия "дискурс" и "речь". Отмечены случаи ошибочной, с точки зрения автора, идентификации дискурса и речевых единиц. Делается вывод о том, что во избежание разночтений в ходе филологических исследований при определении дискурса следует исходить из работ создателей данного понятия. Соответственно, под дискурсом следует понимать ментальную структуру человеческого бытия, выполняющую опосредующую функцию между языком и речью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 378-381. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-22

Дата поступления рукописи: 18.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.38>

Статья обращена к истокам появления термина «дискурс». Основное внимание уделено точкам зрения тех учёных, которые дифференцируют понятия «дискурс» и «речь». Отмечены случаи ошибочной, с точки зрения автора, идентификации дискурса и речевых единиц. Делается вывод о том, что во избежание разночтений в ходе филологических исследований при определении дискурса следует исходить из работ создателей данного понятия. Соответственно, под дискурсом следует понимать ментальную структуру человеческого бытия, выполняющую опосредующую функцию между языком и речью.

Ключевые слова и фразы: речевые практики; ментально структурированное поле бытия; опосредующая функция дискурса; саморефлексия; правила мыслительного опыта.

Пилатова Валентина Николаевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
pilatova_vn@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ДИСКУРСА

К теме данной работы нас заставило обратиться то обстоятельство, что до сих пор в филологическом обществе не существует единого понятия дискурса. Этот термин используется широко. Однако под дискурсом разные исследователи понимают и речь, и диалог, и текст, и высказывание, и интерпретацию, и коммуникативное взаимодействие. Этот список можно продолжить.

Например, Т. А. ван Дейк под дискурсом понимает текст, в основе которого лежит когнитивная модель социальной ситуации [2, с. 161]. Имеется в виду, что для описания коммуникации определённого типа используется специфическая форма языка. Следовательно, под дискурсом понимается речевая структура, обусловленная социальным контекстом.

Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «речь, погружённую в жизнь» [1, с. 136]. Образное выражение «погружённая в жизнь», очевидно, означает экстралингвистический контекст. Однако известно, что для полного понимания словесного выражения необходимо учитывать не только лингвистический, но и экстралингвистический контекст. Поэтому, с нашей точки зрения, в данном определении ярких признаков дифференциации дискурса и речи нет.

В. И. Карасик текст, погружённый в ситуацию общения, считает дискурсом [5, с. 5]. В такой трактовке, мы полагаем, слово «дискурс» синонимично термину «коммуникативная единица».

Доминирование структурного подхода и функционально-коммуникативной парадигмы в лингвистике, а также игнорирование этического фактора сводят понятие «дискурс» к речевым единицам, уничтожая тем самым его смысл.

Термин «дискурс» появился более полувека тому назад в философских и семиологических работах, откуда его заимствовали языковеды и культурологи. С нашей точки зрения, авторы ранних работ имеют единое представление о дискурсе, поэтому обращение к их суждениям актуально. Оно может способствовать формированию консенсуса в среде лингвистов по данному вопросу. Наша цель – обосновать тот факт, что созрела острая необходимость выработки единого определения дискурса и что в основе этого определения должны лежать идеи первооткрывателей изучаемого понятия. При исследовании дискурса мы предлагаем исходить не из коммуникативно-функциональной парадигмы речепорождения, а из методологии познавательной деятельности человека. В этом состоит научная новизна нашего исследования.

Методология основоположников теории дискурса, безусловно, своими корнями уходит в прагматизм, в частности к трудам его создателей У. Джемса и Ч. Пирса. Мысль они рассматривали не как способ постижения истины, а как инструмент прогнозирования и решения проблем. В ходе неоднократного использования данного инструмента у человека формируется ментальная привычка действия в той или иной ситуации. Ментальные привычки воспринимаются нами как убеждения. Главный принцип прагматизма, известный также под названием «принцип Пирса», в формулировке У. Джемса звучит так: «Наши убеждения суть фактические правила для действия» [3, с. 34]. У каждого человека есть индивидуальный способ воспринимать и чувствовать мироздание, книжные же заимствования влияют на формирование этого способа лишь отчасти [Там же, с. 9].

Открытие понятия «дискурс» принадлежит представителю Женевской лингвистической школы, преподавателю Бельгийского университета Э. Бюиссенсу. Сначала это открытие было едва ли замечено, так как Э. Бюиссенс совершил его в 1943 г., т.е. во время Второй мировой войны. В своей небольшой статье он заявил, что кроме языка и речи существует интроспекция, саморефлексия – дискурс, который занимает промежуточное положение между ними и выполняет опосредующую функцию. Таким образом, дискурс является посредником, проводником между знаковой системой языка и живой речью [8, р. 21-23].

С одной стороны, существуют определённые отношения между лингвистическими системами и внеязыковой реальностью. Эти отношения – ментальные структуры. С другой стороны, знаковая система языка функционирует исключительно в контексте бесконечно меняющейся социальной действительности. Этот факт обуславливает эволюцию ментальности и, следовательно, развитие культуры отдельного человека и общества в целом.

Иными словами, дискурс, как и язык, является системой: ему присуща целостность, структура, внутренняя организация. Одновременно дискурс, как и речь, динамичен, текуч, переменчив: ему свойственна процессуальность.

Обращая внимание на процессуальный характер дискурса, Ю. Хабермас замечает, что каждый индивид по-своему понимает реалии действительности. Это происходит потому, что у разных людей – разные фоновые знания, интеллектуальные особенности, жизненный опыт, интересы, способность сопричастности. Поэтому мы не можем рассчитывать на всеобщее одинаковое понимание одной и той же вещи [7, с. 20].

Кроме того, рациональное мышление человека не ограничено логикой. Рациональное мышление является коммуникативно обусловленным: автор дискурса признаёт нормы коммуникативного сообщества и правила кооперативной аргументации. Разные сообщества имеют разные нормы коммуникации и правила аргументации. Поэтому последнее обоснование в ходе дискурса невозможно и не нужно [Там же, с. 116, 117].

Ж.-Л. Нанси отмечает дробный характер дискурса человека. Во избежание состояния рассеяния мы сознательно ограничиваем себя поиском структуры отдельного смысла. Но как только этот поиск завершён, открывается возможность размышлять о чём-то новом, и так без конца. Суть бытия человека в нахождении смыслов [10, р. 15]. Потом люди обмениваются между собой дискурсами и найденными смыслами.

М. Фуко под дискурсом понимает ментально структурированное поле бытия, имеющее вербальное выражение. Человеческое бытие обладает мыслью, только в нём мысль и содержится [6, с. 115]. Высказывания – речевые практики – создаются автором слов по правилам, выведенным из мыслительного опыта. Правила мыслительного опыта позволяют построить связи между многообразными впечатлениями и уже приобретёнными знаниями повседневной действительности. Иными словами, дискурс является мостом между речевыми практиками и внеязыковыми структурами повседневности.

В современных работах наших соотечественников также встречается подход к изучению мыслительного процесса, который был предложен учёными, открывшими дискурс. Высказывается точка зрения о том, что живой речетворческий процесс регламентируется не только строгим алгоритмическим принципом, но и прагматическими, социокультурными и психологическими детерминантами. Полная строгая логическая формализация порождения речи, вероятно, невозможна. Выявление эвристического потенциала дискурса способствует пониманию словесной деятельности человека [4, с. 127].

Используя вышеизложенные перекликающиеся между собой идеи уважаемых предшественников, проанализируем некоторые речевые фрагменты с точки зрения их дискурсивной структуры.

Одному из героев романа К. Исигуро «Не отпускай меня» Томи, ученику школы-интерната, не даётся учёба. Он отстаёт от одноклассников даже по творческим дисциплинам. Ни один его рисунок или поделка не были избраны на выставку лучших работ школьников. Томи знает наизусть нотации всех учителей, убеждающих его, что очень важно развивать креативные способности. Из-за постоянных неудач у Томи формируется комплекс неполноценности, и он начинает вести себя неадекватно.

Однако, глубоко вникнув в ситуацию, одна из учителей, беседа с Томи наедине, высказывает неожиданное для него суждение. Вот как её слова передаёт сам Томи.

What she said was that if I didn't want to be creative, if I really didn't feel like it, that was perfectly all right. Nothing wrong with it [9, р. 23]. / *Что она сказала, так это то, что если я не хочу быть креативным, если мне действительно не хочется быть таким, то это совершенно нормально. Ничего неправильного в этом нет* (здесь и далее перевод автора статьи. – В. П.).

Учительница выходит за рамки привычного мыслительного опыта педагогов, даже подвергая себя опасности непонимания среди коллег, поскольку она нарушает нормы коммуникативного сообщества и правила кооперативной аргументации. Находясь под впечатлением долговременных психологических страданий ребёнка, ей удаётся понять, что бытие подопечного мальчика не должно ограничиваться рамками школьных традиций. Ему найдётся место в жизни, несмотря на творческие неудачи в детском возрасте. Гуманные соображения берут верх над социальными условностями – дидактическими рекомендациями.

Иное понимание педагогом фрагмента повседневной действительности в интернате влечёт за собой появление вышеприведённого высказывания. Её смелая мысль превращается в инструмент решения проблем ребёнка. Томи вновь обретает самоуверенность и начинает вести себя естественно. Спасительная и для ученика, и для самой равнодушной учительницы сентенция становится речевой практикой. В дальнейшем на страницах художественного произведения её будут повторять и обсуждать не только другие персонажи, но и читатель.

Обратимся к следующему эпизоду, связанному с дискурсом Руфи, одноклассницы нашего героя. Она мечтает, когда вырастет, работать в красивом помещении, наполненном современным оборудованием и аккуратными сложенными бумагами. Друзья приносят ей рекламные картинки с изображением интерьеров подобных деловых центров, рассказывают истории про увиденную ими с улицы через большие окна обстановку в таких офисах. Однажды, покинув интернат, Руфь с друзьями отправляется в ближайший небольшой город, чтобы внимательно рассмотреть работу своей мечты. Подростки даже пускаются в авантюрное преследование симпатичной сотрудницы бизнес-центра, на которую хочет быть похожа Руфь. Их слежка прекращается, когда девочка становится ясно, что её цель недостижима: она не сможет стать достойной такой работы.

We're not modelled from that sort... We all know it. We're modelled from trash. Junkies, prostitutes, winos, tramps. Convicts, maybe [Ibidem, р. 164]... / *Мы сделаны из другого теста... Мы все это знаем. Мы сделаны из мусора. Из наркоманов, проституток, алкоголичек, бродяг. Может быть, заключённых, если только они не психбольные.*

Сначала наблюдение за своим возможным прототипом поглощает всё внимание нашей героини. Руфь замечает благородство и спокойствие в манерах преследуемой дамы и осознаёт, что цена этим качествам велика. У неё и сотрудницы офиса – разный жизненный опыт и приобретённые знания. Их интересы, привычки обусловлены теми сообществами, в которых они сформировались. Мыслительная линия достигает последнего этапа, и Руфь, в надежде на соучастие, передаёт смысл своего отчаянного дискурса друзьям.

Обратимся к ещё одним словам той же героини, произнесённым в самом конце её недолгой жизни и адресованным подруге по имени Кэти.

The main thing is, I kept you and Tommy apart... That was the worst thing I did. I'm not even asking you to forgive me about that. God, I've said all this in my head so many times, I can't believe I'm really doing it [Ibidem, p. 228]. / Главное то, что я не давала вам с Томи быть вместе... Это самое худшее, что я сделала. Я даже не прошу тебя простить меня за это. Боже, я говорила всё это себе самой так много раз: не могу поверить, что я действительно так поступаю.

Дискурс, длившийся на протяжении нескольких лет, заканчивается раскаянием. Понимание ошибок, как мы слышим из слов героини, наступило гораздо раньше. Руфь поняла, что любовь – это не физическая близость, а духовная – жертвенность, сопричастность, как это было в отношениях между Томи и Кэти. Гораздо больший подвиг – попросить прощения у них обоих – Руфи удаётся совершить в самом конце.

Языковая знаковая система актуализируется в вышеприведённую речь не в силу некой коммуникативной установки, а в силу этического преобразования ментальности нашей героини. Руфь воистину постигает христианскую мораль и даже в разговоре с подругой обращается не столько к ней, сколько к Богу. В данной ситуации христианские нормы становятся инструментом решения проблем ошибавшейся девушки.

До Руфи, Тони и Кэти донёсся слух, что Хэйлшем, их школу-интернат, в ближайшее время собираются расформировать, а помещения использовать под будущий отель. Для того чтобы обсудить эту грустную новость, уединившись на природе, они отправляются в далёкую поездку. В заброшенных болотах одноклассники находят старую, растрескавшуюся пустую лодку, которая уже никому не принадлежит. Добраться до неё нельзя из-за непроходимой местности, поэтому остаётся только смотреть на лодку издали и теряться в догадках относительно причин её нахождения в недосягаемой для людей трясине.

May be this is what Hailsham looks like now [Ibidem, p. 220]. / Наверное, сейчас так выглядит Хэйлшем.

Эти слова, произнесённые Тони, понятны и его подругам. Мыслительная схема строится на метафорической аллегории: лодка – манящая, но недосягаемая – скоро превратится в прах, точно так же, как превратится в ничто интернат, связавший их жизни. Сравнение увиденной сцены с прекращающим своё существование родным интернатом порождено не столько логическим алгоритмом, сколько особенностями восприятия ситуации Тони и его системой ценностей.

Пустая лодка становится символом утраты юности. Символизация – апогей мыслительного процесса. Облекшаяся в символическое выражение мысль не требует продолжения в силу своей исчерпанности. Определив символ явления, можно строить на его основе бесконечное количество моделей, но дискурс этих моделей будет одним и тем же.

Как видно из приведённых примеров, дискурсивная структура человеческого бытия задаёт речевой способ использования языка. Выразительный потенциал слов многообразен. Почему языковые единицы складываются в ту или иную форму, определяется ментальностью говорящего на данный момент.

Структура мысли складывается на основе личностной самобытности по правилам социальной действительности. Окружающие нас люди заставляют с ними считаться. Дипломатия, некоторый конформизм, солидарность – признаки социальной действительности, которые мы, находясь в коллективе, учитываем. Однако в каждом из нас есть нечто неизменное, не подлежащее компромиссу, то, от чего мы никогда не откажемся. Это и есть наша самобытность. Личностная самобытность может вступать в конфликт с правилами социальной действительности, но необязательно. Гармония идентичности отдельного человека и общественных традиций, а также конфликт между ними сказываются на выборе слов.

Речевая деятельность людей зависит от их ментальных привычек – убеждений. Люди привыкают к своим оценкам и неохотно применяют усилия для критического переосмысления устоявшихся представлений. Каждый из нас в своём речевом арсенале даже имеет определённые формулировки для описания реалий, с которыми мы периодически сталкиваемся. Иметь набор заготовленных фраз на повторяющийся случай удобно, так как для изъяснения не требуется дополнительных усилий. Однако есть риск, что со временем наши убеждения превратятся в стереотипные представления. В процессе становления дискурсивного опыта и обмена идеями с другими людьми убеждения могут подвергаться изменениям.

Всеобщее окончательное одинаковое понимание вещей невозможно в силу существования у разных людей разных дискурсов. Одинаково мыслящим людям, если они долго общаются, иногда становится скучно. Они не обогащают друг друга новым ходом мысли. Нас разочаровывает книга, если в ней находит место только то рассуждение, которое мы имеем сами. Иная мировоззренческая позиция всегда стимулирует к саморазвитию. Если бы не было разных дискурсов, не было бы и культурного развития. Люди походили бы на животных, которыми движет не творческий импульс, а неизменный инстинкт.

Категория дискурса принадлежит к числу таких основополагающих общенаучных категорий, как речь и язык. Эти три категории равновесны, они находятся на общем и самом высоком уровне исследовательского порядка. В рамках каждой из них существуют частные категории. Например, в составе языка можно выделить грамматические и лексические частные категории. В составе речи выделяют высказывание, диалогическое

единство, функционально-коммуникативную единицу. Отождествление дискурса с частной речевой категорией приводит к нарушению логичности категориальной системы и вызывает когнитивный диссонанс. При анализе ментальной структуры словесного выражения уместно обратить внимание как на его языковую составляющую, так и на речевую.

Дискурс – это идеальная сущность. Он в этом смысле сравним с фонемой, которая является не звуком, а идеальным представлением о нём. Анализируя произнесённый звук, мы понимаем, вариацией какой фонемы этот звук является. Точно так же и дискурсивная структура может быть понята и описана на основе восприятия текста. Языковые и речевые единицы в своих неоднократных вариациях манифестируют структурирующий их нематериальный дискурс.

Известно, что все стороны языкового творчества находятся в состоянии взаимодействия и взаимовлияния. Например, интеллектуальные способности могут влиять на выбор способа аргументации. Эмоции человека во многом определяют стиль речи. Прагматические установки нередко задают логическое направление текста. Однако все эти переменные стороны языкового творчества пронизаны доминирующей над ними этической характеристикой автора слов. Социокультурная этика представляет собой если не постоянную, то малоподвижную основу дискурса.

Этическими вопросами словесного творчества давно и успешно занимаются литературоведы. Лингвисты тоже имеют на это право, поскольку этическое содержание имеет форму выражения. Эта форма, очевидно, всегда будет имплицитной, даже тогда, когда говорящий эксплицитно постулирует свои морально-нравственные принципы. Только Бог и искушённый исследователь-специалист знает, насколько предлагаемые на суд слушателя постулаты являются искренними и безошибочными.

Приходим к заключению, что представителям гуманитарных наук при определении дискурса следует полагаться на точку зрения авторов этого понятия. Дискурс необходимо считать центральным звеном в трихотомии «язык – дискурс – речь», призванным выполнять опосредующую функцию между виртуальной системой языка и актуальной системой речи. Дискурс есть идеальная сущность – ментальность, открывающаяся лингвисту при восприятии слов. При каждой попытке реализации дискурса получается новый текст. В ином истолковании слово «дискурс» лишнее, и во избежание двусмысленности было бы лучше не злоупотреблять его использованием.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Яревой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Джемс У. Прагматизм. СПб.: Шиповник, 1910. 244 с.
4. Ефремова Ю. И., Петрянина О. В., Черкасова Е. В., Макарова М. Е. Дискурсивные факторы порождения речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67): в 2-х ч. Ч. 2. С. 127-130.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 404 с.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2001. 382 с.
8. Buysens E. De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques: la parole, le discours, la langue // Acta Linguistica. 1943. № 3. P. 17-23.
9. Ishiguro K. Never Let Me Go. L.: Faber and Faber, 2006. 282 p.
10. Nancy J.-L. A Finite Thinking. Stanford: Stanford University Press, 2003. 351 p.

ON THE PROBLEM OF DEFINING DISCOURSE

Pilatova Valentina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
pilatova_vn@mail.ru

The article considers the origin of the term “discourse”. Special attention is paid to the views of the scientists, who differentiate the concepts “discourse” and “speech”. The author mentions the cases of misidentification of discourse and speech units and concludes that to avoid misinterpretations the linguists should stick to the definition of discourse proposed by the creators of this notion. Accordingly, discourse should be considered as a mental structure performing the mediating function between language and speech.

Key words and phrases: speech practices; mentally structured existential field; mediating function of discourse; self-reflection; principles of mental experience.